

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СССХХХVII.

1901.

ОКТЯВРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія „В. С. Балашевъ и К^о“. Наб. Фонтанки, 95.

1901.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. Высочайшія повелѣнія	55
II. Высочайшія награды	62
III. Высочайшіе приказы	—
IV. Приказъ министра народнаго просвѣщенія	67
V. Министерскія распоряженія	—
VI. Определенія ученаго комитета мин. нар. пр.	78
VII. Определенія особаго отдѣла ученаго комитета мин. нар. пр.	81
Открытіе училищъ	84
A. С. Вязигинъ. Идеиная подготовка церковно-общественныхъ преобразованій XI вѣка. II (продолженіе)	261
E. В. Пѣтуховъ. Возникновеніе и первоначальная организація Дерптскаго университета въ началѣ XIX вѣка. I	295
A. И. Введенскій. Споръ о ошободѣ воли передъ судомъ критической философіи	320
A. И. Савинъ. Новѣйшая литература по социальной исторіи Англіи въ эпоху Тюдоровъ	362
Д. Ѳ. Кобеко. Къ родословію Шереметевыхъ	373
A. И. Соболевскій. Изъ исторіи русскаго языка	396

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

B. В. Сиповскій. Критико-библіографическій обзоръ Пушкинской юбилейной литературы 1899 года. VIII—IX (окончаніе)	410
H. П. Павловъ-Сильванскій. Новое объясненіе закладничества	444
M. В. Довнаръ-Запольскій. Спорные вопросы въ исторіи литовско-русскаго сейма. <i>Матеріалъ Любавскаго</i> . М. 1901	454
C. M. Кульбакинъ. Очеркъ славянской кирилловской палеографіи. Изъ лекцій, читанныхъ въ Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ проф. <i>Е. Ѳ. Карскимъ</i> . Варшава 1901	498
O. C. Леонардо да Винчи. Исслѣдованіе проф. <i>Н. Ѳ. Сумцова</i> . Харьковъ 1900	500
I. Ѳ. Мандельштамъ. <i>Finnisch-Ugrische Forschungen</i>	505
C. O. Платоновъ. О происхожденіи патріарха Гермогена	511
— Книжныя новости	514

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

<i>J. Carré</i> . Le Vocabulaire français	17
<i>G. Vioche</i> . Cours de Français pratique, moral et récréatif	19
<i>J. Martin</i> . Le Correspondant commercial français.	23
<i>К. Я. Биликинъ</i> . Краткая нѣмецкая грамматика	—
<i>B. A. Фуксъ</i> . Руководство всеобщей исторіи	24
<i>C. A. Исполатовъ</i> . Дополнительныя статьи алгебры	27

(См. 3-ю стр. обложки).

Къ главѣ III (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*. № 4, стр. 453), не указана работа С. Бураковскаго, „А. С. Пушкивъ“, біографическія свѣдѣнія и разборъ его главнѣйшихъ произведеній для учащихся (С.-Пб. 1900).

В. В. Савиновскій.

Новое объясненіе закладничества.

До послѣдняго времени закладничество мало интересовало изслѣдователей и не возбуждало споровъ. Историки права согласно видѣли въ немъ институтъ залога лица, по существу одинаковый съ хорошо извѣстнымъ кабалнымъ холопствомъ. Въ статьѣ о „Закладничествѣ-патронатѣ“ я сдѣлалъ попытку обосновать забытый взглядъ Соловьева на закладничество, какъ на учрежденіе защиты, сходное съ западно-европейскимъ патронатомъ. В. И. Сергѣевичъ находитъ теперь, что вопросъ о закладничествѣ въ послѣднее время сталъ „особенно спорнымъ“, и въ виду этого вновь подробно обсуждаетъ этотъ вопросъ, уже изслѣдованный имъ однажды въ его превосходномъ трудѣ: „Русскія Юридическія Древности“.

Въ статьѣ о „Закладничествѣ въ древней Руси“, въ послѣдней сентябрьской книгѣ этого журнала уважаемый ученый, дѣлая нѣкоторыя уступки взгляду на закладничество, какъ на патронатъ, значительно отступаетъ отъ распространеннаго опредѣленія его, какъ личнаго залога, но удерживаетъ изъ этого опредѣленія главную черту, а именно признаніе связи закладничества съ задолженностью.

Болѣе обстоятельное изученіе источниковъ заставило проф. Сергѣевича оставить распространенное мнѣніе, что закладчики были людьми, заложившими самихъ себя по закладной кабалѣ; онъ замѣтилъ, что *закладная* кабала не была необходимымъ условіемъ закладничества; такимъ условіемъ, по его мнѣнію, могла быть и простая *заемная* кабала и всякая запись о займѣ или ссудѣ. „Закладчики—говорятъ онъ— суть *заемщики* и живутъ они... за своими кредиторами по кабаламъ, по закладнымъ, по записямъ о займахъ и о ссудахъ и по всякимъ крѣпостямъ въ ихъ дворахъ, а не въ своихъ собственныхъ“ (119). Итакъ, закладчикъ—не заложный человѣкъ, а только заемщикъ. На какомъ же основаніи онъ непремѣнно „живетъ за кредиторомъ въ его дворѣ“ и что его къ этому обязываетъ? Вѣдь, сдѣлка займа сама по себѣ не обязывала его ни къ чему другому.

кромѣ уплаты долга; въ древности, какъ извѣстно, только неоплатные должники и то только по суду лишались временно или навсегда свободы. В. И. Сергѣевичъ не могъ забыть объ этомъ: „ростовая заемная расписка — говоритъ онъ — не связываетъ лица должника, пока по суду онъ не приговоренъ отработать долгъ“, — и такъ отвѣчаетъ на поставленный мною вопросъ: „*должникъ оставался въ зависимости отъ кредитора во избѣжаніе иска и его послѣдствій*“. Итакъ, закладчикъ *добровольно* и независимо отъ договора о займѣ, единственно изъ боязни суда жилъ во дворѣ кредитора. Закладничество, слѣдовательно, насколько я понимаю уважаемаго профессора, есть *добровольная служба должника кредитору и не имѣетъ никакой юридической связи съ заемнымъ обязательствомъ*. Объясняя такимъ образомъ закладничество, проф. Сергѣевичъ признаетъ выѣстъ съ тѣмъ, что въ немъ было „*своего рода покровительство*“, что закладчики были „заступными людьми“ и что терминъ „заложиться за кого-нибудь“ могъ имѣть значеніе „задаться за кого-нибудь“ (т.-е. отдаться подъ защиту).

Такое новое пониманіе закладничества отдѣляется отъ защищаемаго мною едва замѣтной чертой. Уважаемый ученый, однако, не находитъ возможнымъ сдѣлать еще одинъ маленькій шагъ, чтобы переступить эту черту. Онъ настаиваетъ все-таки на неволиѣ для меня ясной связи закладничества съ займомъ. Изслѣдуемъ его аргументацію.

Свое изслѣдованіе проф. Сергѣевичъ ведетъ такимъ образомъ: онъ выписываетъ подрядъ многочисленныя извѣстія о „закладняхъ“, „закладчикахъ“ и „закладныхъ людяхъ“ съ XIII по XVII вѣкъ и затѣмъ сводитъ содержаніе всѣхъ этихъ разнообразныхъ и разновременныхъ извѣстій въ одно общее опредѣленіе, приведенное выше. Исходный пунктъ изслѣдованія — тожество закладней, закладчиковъ и закладныхъ людей; оно, съ отличающей автора ясностью мысли и рѣчи, формулировано въ первой же строкѣ статьи.

Извѣстія о „закладныхъ людяхъ“, не допуская спора, свидѣлствуютъ, что такъ назывались люди, отдавшіе себя въ залогъ, закрѣпившіе себя кредитору закладной кабалой или инымъ подобнымъ обязательствомъ; грамоты называютъ ихъ иначе „заимщиками“ и для освобожденія ихъ изъ залога требуютъ конфискаціи отъ кредитора закладной кабалы. Изъ этого видно, что вопросъ о томъ, допустимо ли отождествленіе „закладчиковъ“ съ „закладными людьми“, имѣетъ первѣйшую важность въ нашемъ изслѣдованіи.

Отожествленіе „закладчиковъ“ съ „закладными людьми“ является у проф. Сергѣевича первой посылкой разсужденія, принятой безъ доказательствъ. По моему мнѣнію, оно и не можетъ быть доказано. Источники, какъ мнѣ кажется, не только не даютъ никакихъ основаній для отождествленія закладчиковъ и закладныхъ людей, но и исключаютъ возможность такого отождествленія. Правительственныя распоряженія о закладчикахъ и о закладныхъ людяхъ существенно отличаются и по терминологіи, и по содержанию. Одинъ и тотъ же актъ, наказъ казанскому воеводѣ 1697 г., содержитъ въ себѣ два совершенно различныхъ постановленія о закладчикахъ и о закладныхъ людяхъ:

Закладные люди. Ст. 22.

„Въ Казани жъ велѣтъ учинить за- казъ крѣпкой и бирючомъ клинати по многіе дни, чтобъ казанскіе всякихъ чиновъ люди... всякихъ чиновъ русскихъ людей и вотяковъ и чуваши и черемисы и ихъ женъ и дѣтей... и никакихъ угодовевъ, *ны съ какихъ должызъ съ закладъ къ себѣ не имали* и ни въ какія крѣпости не писали никакихъ дѣлы. А буде кто учнетъ какихъ всякихъ чиновъ людей въ какія *закладныя записи*, или въ кабалы, или въ ныя какія крѣпости писать и тѣхъ ихъ женъ и дѣтей къ себѣ *съ закладъ имать*, и тѣмъ людямъ, кто *такъ учинитъ*, за то отъ великаго государя *быть съ смертной казни*. А закладныя записи, и засныя кабалы, и всякія крѣпости *отдавать тѣмъ заимщикомъ безденежно*. А которые люди... напередъ сего жили и живутъ въ закладѣхъ у всякихъ чиновъ людей, и тѣмъ людямъ велѣтъ жить въ тѣхъ и въ ясажѣхъ по прежнему и денеть... по всякимъ крѣпостямъ *заимщикомъ платитъ имъ не велико*, а истцомъ въ тѣхъ деньгахъ отказывать, и крѣпости всякія у всякихъ людей на *закладныхъ* людей имать въ приказную палату“.

Закладчики. Ст. 23.

„А которые буде казанскіе и казанскихъ пригородовъ и иныхъ городовъ пришлые, торговые и ремесленные люди *нынѣ живутъ* въ Казани, и въ казанскихъ пригородѣхъ, и въ селѣхъ, и на посадѣхъ, въ и слободахъ *за кѣмъ съ закладчикахъ*... и тѣмъ всѣмъ закладникомъ *съ закладчикахъ быти не велѣтъ*, а велѣтъ тѣмъ всѣмъ закладникомъ государевы всякія подати платити и службу служить съ посадскими людьми *вмѣстѣ*... А будетъ въ за кого возьмутся закладчики и впредь тѣхъ будутъ принимать, или *тѣ будутъ закладыватся*, или за снѣмъ указомъ кто приметъ, чинитъ наказанью, *быти кнутомъ*, и тѣ годы, которые въ тѣхъ прогулкахъ подати не взяты, имать на тѣхъ, кто за указомъ *сверхъ наказанья имать*“.

П. С. Зак. III, № 1597.

Въ первой изъ этихъ статей рѣчь идетъ о „закладныхъ людяхъ-заимщикахъ“, взятыхъ „въ долгѣхъ въ закладъ“ и написанныхъ „въ закладныя и ныня крѣпости“. Вторая же статья (пропущенная проф. Сергѣевичемъ) говоритъ о „закладчикахъ“, запрещаетъ „жить за кѣмъ въ закладчикахъ“, запрещаетъ „закладываться“ и—только. За нарушение первой статьи устанавливается наказаніе *смертная казнь*, за нарушение второй—*кнутъ*. Первая статья, касающаяся заложенныхъ людей, естественно все вниманіе устремляетъ на денежныя отношенія такихъ людей къ кредиторамъ („денегъ заимщикомъ платить не велѣтъ“); вторая же статья *ни слова не юворитъ о долговыхъ обязательствахъ закладчиковъ*¹⁾. Не ясно ли отсюда, что закладчики чѣмъ-то существенно отличались отъ закладныхъ людей и что въ основу изслѣдованія нельзя класть мысль объ ихъ тождествѣ?

Проф. Сергѣевичъ, построивъ все изслѣдованіе на смѣшеніи текстовъ о „закладчикахъ“ и „закладныхъ людяхъ“ и заявивъ въ началѣ статьи, что закладчики тождественны съ закладными людьми, затѣмъ самъ же даетъ основанія для строгаго ихъ различенія. Закладчики, по его мнѣнію, суть заемщики и живутъ за кредиторомъ по заемной кабалѣ — только изъ боязни суда, т.-е. добровольно. Закладные же люди существенно отъ нихъ отличаются; они жили во дворѣ кредитора *не добровольно, а въ силу обязательства*; они были связаны закладными кабалами, въ которыхъ обязывались быть въ распоряженіи кредитора до уплаты долга²⁾. Общее опредѣленіе закладничества,

¹⁾ Тотъ же результатъ получается при сравненіи слѣдующихъ текстовъ:

Закладные люди. 1640. „Которые люди живутъ въ закладѣхъ у всякихъ чиновъ людей, велѣтъ имъ жить въ тягѣхъ..., а денегъ по кабаламъ и по закладнымъ и по всякимъ крѣпостямъ заимщикомъ платити не велити, и истцомъ въ деньгахъ отказывать, и крѣпости всякія на закладныхъ людей у истцовъ езятъ въ нашу казну...“ А. Ист. III, № 218.

Закладчики. 1649. „А которые посадскіе тяглые люди.. *живутъ въ закладчикахъ*... за всякихъ чиновъ людьми на Москвѣ и въ городѣхъ, на ихъ дворѣхъ, и въ вотчинахъ, и въ помѣстьяхъ и на церковныхъ земляхъ, и тѣхъ вѣхъ *сыскивати и свозити* на старыя ихъ посадскія мѣста... И впредь тѣмъ вѣмъ людямъ, которые взяты будутъ за Государя, ни за кою *въ закладчики не записываться* и ничьими крестьянами и людьми не называтися. А будетъ они впредь учнутъ *закладыватися*... Уложеніе, гл. XIX, ст. 13.

²⁾ Ни одной закладной кабалы на лицо самого заемщика не сохранилось. О содержаніи такихъ кабалъ мы можемъ судить только по тождественнымъ съ ними

поэтому, даже съ точки зрѣнія самого автора, нуждается въ нѣкоторой поправкѣ или поясненіи. Утверждая, что закладчики суть заемщики и живутъ за кредиторами какъ по *закладнымъ* кабаламъ, такъ и по *заемнымъ* и *ссуднымъ* записямъ, уважаемый авторъ тѣсно сблизжаетъ совершенно различные разряды лицъ, а именно, съ одной стороны, людей, крѣпкихъ кредитору по залоговому обязательству (закладные люди) и, съ другой стороны, людей, запявшихъ деньги и лишь добровольно живущихъ у кредитора изъ боязни суда.

До послѣдняго времени главной опорой мнѣнія о томъ, что закладчики были людьми, отдавшими самихъ себя въ залогъ, было самое ихъ названіе. Термины „закладчикъ“ и „заложиться за кого-нибудь“ большинство изслѣдователей сблизало съ глаголомъ закладывать въ смыслѣ отдавать въ залогъ. Въ моей статьѣ длиннымъ рядомъ выписокъ я показалъ, что терминъ „заложиться за кого-нибудь“ употреблялся въ древности постоянно не въ смыслѣ отдаться въ залогъ, а въ смыслѣ „задаться“, предаться въ защиту, отдаться подъ покровительство (отъ заложить—укрыть, заложиться—укрыться).

Проф. Сергѣевичъ теперь признаетъ, что слово „заложиться“ употреблялось въ древности въ указанномъ смыслѣ: „мы не будемъ противъ этого спорить“—говоритъ онъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаетъ, что рассматриваемый терминъ имѣлъ два значенія: „слово заложиться значило и задаться за кого-либо и заложить себя кому-либо“. Въ подтвержденіе этого уважаемый историкъ ограничивается общою глагою ссылкой на извѣстія источниковъ: „это достаточно ясно изъ вышеприведенныхъ нами выраженій памятниковъ“. Но для меня это совершенно неясно. Разсмотримъ выраженія памятниковъ.

а) Въ извѣстіяхъ, касающихся „закладныхъ людей“ и говорящихъ о залогѣ лица и о закладныхъ грамотахъ, слова „закладчикъ“ и „заложиться“ не встрѣчаются. Эти извѣстія, поэтому, при рѣшеніи нашей задачи должны быть оставлены въ сторонѣ.

б) Ни одна изъ грамотъ, касающихся „закладчиковъ“ и пользующихся терминомъ „заложиться“, не даетъ объясненія этихъ словъ въ желаемомъ проф. Сергѣевичу смыслѣ, такъ какъ ни одна изъ нихъ не говоритъ ни о залогѣ лица, ни о закладныхъ кабалахъ.

в) Во множествѣ грамотъ люди, заложившіе что-либо, постоянно

по существу служилимъ кабаламъ. Сохранились только двѣ закладныя кабалы на третье лицо: „я, заищикъ, заложилъ и подписалъ ему, Дмитрею, ясыря своего дѣву Юкагирскую некрещеную“. Обѣ эти кабалы писаны на востокѣ. Подробности см. въ моей статьѣ: Зал. II. Р. Археол. Общ., т. IX, вып. 1, 2, 1897.

называются не закладчиками, но займщиками. Въ закладныхъ кабалахъ всегда писалось: „къ сей закладной своей займщикъ такой-то руку приложилъ“. Закладные люди систематически называются займщиками, но не закладчиками. Говоря о лицахъ, заложившихъ что-либо, правительственные акты, избѣгая слова закладчикъ, имѣвшаго иной смыслъ (задавшійся человекъ), прибѣгаютъ къ неловкимъ перифразамъ: „тотъ человекъ... который закладъ закладывалъ кому“ (Псковская судная грамота ст. 103, ср. 29, 101); „а что тотъ денегъ въ займы далъ лишекъ“ (Суд. 1551 г., ст. 85); „а тѣ люди, чьи закладишка, и по ся мѣсть не выкупаютъ своихъ закладовъ“. Уложение 1649 г., много говоря о вещномъ залогѣ, пользуется словомъ займщикъ, и *никогда* не употребляетъ слова закладчикъ для обозначенія лица, заложившаго что-либо (гл. X, 196, 197; XVI, 69; XVII, 32, 35—40). Только въ двухъ грамотахъ (1641 и 1679 г.) мы встрѣчаемъ слово закладчикъ въ смыслѣ лица, заложившаго недвижимость (но не самого себя). Эти исключенія (можетъ быть, найдутся и еще подобныя) не измѣняютъ общаго правила: слово закладчикъ обыкновенно не употреблялось для обозначенія лица, отдавашаго что-либо въ залогъ. Почему? Потому, что имѣло другой привычный смыслъ.

d) Ни одна изъ грамотъ не даетъ основанія заключить, что терминъ „заложиться за кого-нибудь“ употребленъ въ ней въ смыслѣ „отдаться въ залогъ“. (Въ текстахъ, которые касаются отдавшихся въ залогъ, „закладныхъ“ людей, этого термина нѣтъ). Напротивъ того, множество грамотъ безспорно показываетъ, что терминъ „заложиться за кого-нибудь“ имѣетъ въ нихъ значеніе: „задаться“. Въ дополненіе къ текстамъ, цитированнымъ въ моей статьѣ, приведу здѣсь еще одинъ изъ грамотъ: „и вы за латинскаго господаря хотите закладываться“ (А. Ист. I, № 280, 1471 г.) и одинъ изъ былинъ: „я поѣду во славный столичный Кіевъ градъ, заложиться за князя Владимира“. Слово „закладчикъ“ означаетъ человекъ заложившагося, то есть задавашагося. Грамоты говорятъ о людяхъ, „заложившихся въ закладчики“. Статейный списокъ называетъ князей, отдавшихъ подъ покровительство турецкаго царя, его закладчиками („а кумыцкіе де князи закладчики ого жъ турецкаго царя“: 1611—1616. Пам. днл. сн. съ Персіей, III, 3).

Допустимъ, однако, на минуту вмѣстѣ съ моимъ критикомъ (хотя послѣ всего сказаннаго такое предположеніе, мнѣ кажется, недопустимо), что термины „заложиться за кого-нибудь“ и „закладчикъ“ употреблялись безразлично въ двухъ противорѣчивыхъ значеніяхъ: личной крѣ-

ности—залога и свободнаго покровительства—защиты. Но какъ же рѣшить тогда, кого имѣеть въ виду каждая данная грамота, говоря о закладчикахъ: заложившихъ себя людей, или людей задавшихъ, подзащитныхъ, заступныхъ? И на какомъ же основаніи можно въ такомъ случаѣ утверждать, что закладчики (заступные люди) *есть* суть заемщики?

Акты, касающіеся закладчиковъ, ничего не говоря о закладныхъ кабалахъ и о сдѣлкахъ залога лица, дѣйствительно, указываютъ, что закладчики иногда давали заемныя обязательства господамъ. Но было ли заемное обязательство необходимымъ условіемъ закладничества? всѣ ли закладчики были заемщиками? Источники не даютъ никакихъ данныхъ для утвердительнаго рѣшенія вопроса и, болѣе того, свидѣтельствуютъ, что заемное обязательство было сдѣлкой, посторонней закладничеству.

„Указали мы боярину нашему ... сыскивать въ Москвѣ и въ городѣхъ... закладчиковъ и въ черныхъ сотняхъ, и въ слободахъ, и въ городѣхъ тяглые люди, которые вышли съ московскаго разоренья, какъ мы, великій государь, поцарились: которые тяглые люди при насъ въ тягѣ были, или у тяглыхъ людей, сидѣльцы или наймиты, а сидѣли въ лавкахъ и торговали отъ нихъ, а объявятся на нихъ у кого какія кабалы или иные какія крѣпости съ 121 года и по се мѣсто, или у кого въ крестьянствѣ и въ писцовыхъ книгахъ тѣ тяглые люди написаны, и тѣ люди по тѣмъ крѣпостямъ тѣмъ людямъ не крѣпки“ (А. Э. III, № 279, 1638).

Уложение 1649 г. также говоритъ о долговыхъ обязательствахъ закладчиковъ не въ главномъ узаконеніи, посвященномъ имъ (ст. 13, гл. XIX), а черезъ три статьи послѣ этого узаконенія, въ особой статьѣ 18, и въ такой формѣ:

„А которые посадскіе розныхъ сотенъ и слободъ тяглые люди взяты будутъ нѣ закладчиковъ въ тягло, и тѣ люди, нѣ за кого они будутъ взяты, учнутъ на нихъ бити челомъ Государю по кабаламъ или по запискамъ о заемныхъ долгахъ или о ссудѣ, и по такимъ крѣпостямъ и по запискамъ... суда не давати“.

Оба эти узаконенія никакъ не даютъ основаній заключить, что заемъ былъ непремѣннымъ условіемъ закладничества. Напротивъ того, они показываютъ, что долговныя обязательства закладчиковъ были случайнымъ элементомъ: „а объявятся на нихъ у кого какія кабалы“, „а учнутъ бити на нихъ челомъ по кабаламъ“. Смыслъ этихъ распоряженій особенно уясняется при сравненіи ихъ съ вышеприведенными указами о закладныхъ людяхъ. Въ этихъ указахъ,—тамъ, гдѣ рѣчь идетъ, дѣйствительно, о людяхъ, крѣпкихъ по закладнымъ и инымъ кабаламъ,—правительство все вниманіе устремляетъ на уничтоженіе

силы этих кабаль. Въ приведенныхъ же двухъ распоряженіяхъ о закладчикахъ правительство говоритъ о ихъ денежныхъ обязательствахъ (заемныхъ, но не закладныхъ!) между прочимъ, а въ другихъ грамотахъ даже вовсе не упоминаетъ о такихъ обязательствахъ.

Проф. Сергѣевичъ въ подтвержденіе мнѣнія, что денежное обязательство было необходимымъ для закладничества, указываетъ, между прочимъ, на слова уложенія: „въ закладчики не записываться“. Но эти слова могутъ служить аргументомъ только при томъ нѣсколько искусственномъ толкованіи, какое даетъ имъ уважаемый ученый: „въ закладчики записываются, *то есть поступаютъ по записи* (долговой, по кабаль и иной крѣпости)“. Полагаю, что слова уложенія: „и впредь имъ ни за кого въ закладчики не записываться и ни чьими крестьянами и людьми не называться“ имѣютъ въ виду переписи, а не долговья записи. Уложеніе воспрещаетъ записываться въ закладчики при переписяхъ.

Касаясь моего сравненія закладничества съ патронатомъ ¹⁾, проф. Сергѣевичъ утверждаетъ, что терминъ патронатъ есть „только, научное обобщеніе“ и что „въ Западной Европѣ подобныя патронату учрежденія носили нныя наименованія“. Истинный институтъ патроната онъ видитъ только въ римской кліентелѣ. Наше разногласіе въ этомъ пунктѣ мало существенно. Ближе слѣдуя Фюстель-де-Куланжу, я писалъ о различныхъ видахъ одного и того же института патроната. Фюстель-де-Куланжъ говоритъ: „подъ различными наименованіями рѣчь идетъ *объ одномъ и томъ же учрежденіи, которое видоизмѣняясь* переходитъ изъ вѣка въ вѣкъ“.

Я настаивалъ и настаиваю на томъ, что сущность нашего закладничества одинакова съ сущностью института (или институтовъ) патроната. И тамъ, и здѣсь въ основѣ учрежденія лежитъ отношеніе защиты, покровительства. Проф. Сергѣевичъ теперь признаетъ до нѣкоторой степени отношеніе покровительства въ нашемъ закладничествѣ. „Наши закладники говоритъ онъ—«живутъ въ льготѣ», за нихъ есть кому заступиться, это «заступные люди». *Это своего рода покровительство* и на первый взглядъ можно подуматъ, что это и есть то покровительство, которое имѣетъ въ виду Фюстель-де-Куланжъ“.

¹⁾ Проф. Сергѣевичъ пишетъ: „Авторъ не беретъ на себя труда объяснить, что такое патронатъ, къ которому онъ приравниваетъ закладничество“. Между тѣмъ я рассуждаю о различныхъ видахъ западно-европейскаго патроната на 3 страницахъ и указываю, къ какимъ его формамъ ближе всего подходятъ съ одной стороны заклады удѣльнаго времени, съ другой—закладчики XVII вѣка.

Вслѣдъ затѣмъ проф. Сергѣевичъ находитъ существенное различіе между закладничествомъ и патронатомъ, но это только потому, что онъ, какъ мнѣ кажется, неправильно выбралъ объекты сравненія. Онъ сравниваетъ закладчиковъ XVII вѣка съ римскими кліентами. Но римской кліентелой ближайшимъ образомъ можно сопоставить не съ закладчиковъ, а знакоцевъ и держальщиковъ ¹⁾. Въ отношеніи же закладничества, если, не довольствуясь общимъ сравненіемъ сущности этого учрежденія съ сущностью патроната, ближе сравнивать его съ какимъ-либо видомъ западно-европейскаго патроната, то слѣдуетъ взять закладней удѣльнаго времени и сопоставить ихъ съ римскимъ патронатомъ земельныхъ собственниковъ: *patrocinium vicorum* (патрѣціон или *procuratio*).

Мой уважаемый критикъ не счелъ нужнымъ остановиться на моихъ соображеніяхъ въ пользу того, что наше закладничество удѣльнаго времени было одновременно личнымъ и поземельнымъ, и что у насъ существовало *закладничество селя*, весьма сходное съ римскимъ патронатомъ селеній: *patrocinium vicorum*. Онъ ограничивается вскользь брошеннымъ замѣчаніемъ, что „у насъ запрещается закладничество лица, а не земля“ (хотя ральше самъ утверждаетъ, что „закладень“ обозначаетъ какъ заложившаго человѣка, такъ и заложившую землю), и видитъ въ этомъ существенное отличіе нашего закладничества отъ римскаго патроната селеній. Между тѣмъ, отъ удѣльнаго времени мы имѣемъ ясныя слова грамоты XIV вѣка о „заложившихся селатъ“, не о заложившихъ, а именно о заложившихся. Если мы сопоставимъ эти слова съ соответствующей цитатой другой грамоты того же времени, то должны будемъ признать, что подъ заложившимися селами разумѣются села задавшіяся, а не заложившія:

„А что селя или людей повгородскихъ въ сю заматню заложилося за Князя или Княгыню, или за дѣти, или за Бояры, или села кто купилъ; куны ему имати, а села къ Новугороду, по фектистоу грамотѣ, что на Тѣвери окончалъ“.

С. Г. Г. и Д., № 12, 1317.

„А что, Княже, селя твоихъ и Владычьнихъ, и Княгыньнихъ, и Бояръ твоихъ, и слугъ твоихъ на Новгородской земли, которое село замло бесъ кунъ, то бесъ кунъ поидеть къ Новугороду; а кто купилъ, а тыи знаеть своего истьца, или дѣти его; истьца ли не будетъ ...взяти ему куны, колико будетъ далъ по исправѣ, а земля къ Новугороду“. С. Г. Г. и Д. № 6, 1305.

¹⁾ См. мою статью „Феодальная отношенія въ Удѣльной Русѣ“, въ июльской книгѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за этотъ годъ.

Въ лѣвомъ столбцѣ цитата о заложившихся селахъ нѣсколько неясна; можно подумать, что слова „куны ему имати“ относятся не только къ купленнымъ, но и къ заложившимся селамъ. Для разъясненія этого надо обратиться къ „Фектистовой грамотѣ“, на которую прямо ссылается этотъ неясный текстъ. Цитата изъ Фектистовой грамоты напечатана во второмъ столбцѣ, — и изъ нея видно, что подъ „заложившимися селами“ разумѣлись села, „зашедшия безъ кунъ“, то есть задавшіяся.

То же закладничество сель имѣютъ въ виду князья, взаимно обаяваясь не принимать сель въ даръ отъ жителей чужого княжества: „сель не держати, не купити, ни даромъ приимати“. Отдавая въ даръ села князю, владѣльцы, надо полагать, отдавали ихъ въ обладаніе князя но сохраняли за собою права владѣнія и пользованія, и этимъ путемъ достигали покровительства, заступы князя. Извѣстія о заложившихся селахъ, о селахъ, зашедшихъ безъ кунъ, принятыхъ даромъ, наконецъ, о задавшихся волосткахъ, свидѣтельствуютъ о существованіи у насъ закладничества—патроната сель, которое смѣло можетъ быть сопоставлено съ *patrocinium vicorum*, а еще ближе съ земельной комментаціей феодальнаго времени (*terra in commendatione*).

Имѣя въ виду такое земельное закладничество, я писалъ, что у насъ въ удѣльное время не существовало „государственной территоріальной власти, обусловливающей государственную неотчуждаемость отдѣльныхъ участковъ территоріи по волѣ ихъ частныхъ собственниковъ“; бояре у насъ, по моему мнѣнію, отъѣзжали вмѣстѣ съ вотчинами къ чужому князю; заклады закладывались вмѣстѣ съ землею. Проф. Сергѣевичъ старается опровергнуть меня, развивая мою мысль до абсурда. Не останавливаясь на разборѣ его разсужденія, я здѣсь скажу только, что, говоря съ отсутствіи государственной территоріальной власти, я имѣлъ въ виду единственно извѣстную земельную комментацію феодальныхъ странъ, которая явнымъ образомъ отрицаетъ эту власть, понимаемую въ смыслѣ неотчуждаемости участковъ территоріи по волѣ ихъ частныхъ собственниковъ. Но объ этомъ до другого раза. Вопросъ о земельной комментаціи мнѣ придется обсуждать подробнѣе въ моей статьѣ о феодальныхъ отношеніяхъ въ Удѣльной Руси.

И. Павловъ-Сильванскій.